

- Это неправда.

Мэри выпалила это прежде, чем успела подумать.

Мистер Беннет слегка приподнял брови.

- Это ложь. - Мэри шагнула вперед, сжав кулаки. - Наша семья не обеднела. Мать на прошлой неделе купила новую шляпку, на обед каждый день подают мясо, а у Китти и Лидии всегда было вдоволь платьев...

- Мэри.

Мистер Беннет мягко прервал ее.

Голос его звучал негромко, но в нем чувствовалась такая непрекращаемая весомость, что Мэри умолкла на полуслове.

- Знаешь ли ты, - он неторопливо положил книгу на стол, - что такое достоинство джентльмена?

Мэри замерла.

- По-твоему, зачем я пригласил мисс Уилсон? - мистер Беннет откинулся на спинку кресла, и его взгляд остановился на дочери. - Чтобы научить вас грамоте? С этим я и сам бы справился. Но вы - юные леди из семьи Беннет, вам предстоит выйти в свет, выйти замуж, обзавестись собственными семьями, и вам необходима респектабельность. Гувернантка из Лондона придаст вам должный вес.

Он сделал небольшую паузу.

- Но теперь из-за нее вы лишились этого достоинства.

Мэри не понимала.

- Что... что вы имеете в виду?

Мистер Беннет посмотрел на нее и молчал несколько мгновений.

- Знаешь ли ты, что говорят вокруг? - тихо спросил он. - О мисс Уилсон, обо мне?

Сердце Мэри ухнуло вниз.

Грязные, пошлые слова, которые липли к памяти и от которых невозможно было избавиться, вмиг всплыли в ее сознании.

Она открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

Увидев выражение ее лица, мистер Беннет чуть кивнул.

- Похоже, ты знаешь.

- Но... - голос Мэри задрожал помимо ее воли. - Это же ложь! Они лгут! Мисс Уилсон ничего не сделала...

- Я знаю, - спокойно ответил мистер Беннет. - Я знаю, что она честна, образована и безупречна в своем поведении. И я знаю, что эти слухи - не более чем грязные сплетни деревенских невежд.

Он встал, подошел к окну и повернулся к Мэри спиной.

- Но понимаешь ли ты, во что превратятся эти разговоры, когда пойдут гулять дальше? Крестьянин скажет - лавочник услышит; лавочник скажет - купец подхватит. А когда все эти дамы и барышни из Меритона услышат об этом, какими глазами они посмотрят на вас на балу? Они станут шептаться: «О, это та самая семейка, где отец путается с гувернанткой».

Мэри стояла на месте, не в силах вымолвить ни слова.

- Брак Джейн будет испорчен, брак Элизабет будет испорчен, ты, Китти, Лидия - это затронет всех. - Мистер Беннет повернулся, и во взгляде его залегла тяжесть. - Вы мои дочери, и я обязан защитить вашу репутацию. Это важнее всего остального.

- Но мисс Уилсон...

- Я выплачу ей деньги, - перебил он дочь. - Достаточно, чтобы она могла безбедно прожить некоторое время и найти новую работу. Это единственное, что я могу для нее сделать.

Мэри пристально смотрела на отца, и огонь в ее груди разгорался все сильнее.

- Это несправедливо, - ее голос дрожал. - Она не совершила ничего дурного.

- Я знаю, - сказал мистер Беннет.

- Тогда почему...

- Потому что этот мир вообще несправедлив. - Его голос стал чуть ниже. - Особенно к женщинам, особенно к тем женщинам, которые не выходят замуж и зарабатывают на жизнь своим трудом. Кем ты себя возомнила? Неужели ты думаешь, что способна это изменить?

Мэри лишилась дар речи.

Мистер Беннет смотрел на нее, и в его взгляде таилось то, чего она не могла постичь: усталость, безысходность или что-то еще более глубокое?

- Ступай к себе, Мэри, - тихо произнес он. - Здесь не о чем спорить.

Мэри не помнила, как вышла из кабинета.

Она помнила лишь, как стояла в коридоре, прислонившись к стене, и долго-долго не могла сдвинуться с места. Пламя в груди жгло все тело, но пальцы оставались ледяными.

Несправедливо.

Она снова и снова повторяла про себя это слово.

Мисс Уилсон не сделала ничего дурного. Она просто читала книги, просто учила детей, просто зарабатывала свой кусок хлеба собственным умом. Она никому не причинила вреда. Она заслуживала слова респектабельность куда больше, чем большинство людей на этом свете.

Но ей приходится уходить.

Потому что грязные деревенские мужланы распустили злые языки, потому что эти сплетни разойдутся повсюду, потому что достоинство джентльмена важнее чьей-то чистой совести.

Мэри прижалась спиной к стене, медленно опустилась на корточки и уткнулась лицом в колени.

Она не плакала. Ей было просто тяжело, холодно и казалось, что внутри нее что-то навсегда разбилось.

В тот вечер она не спустилась к ужину.

Миссис Беннет отправила наверх горничную проверить ее, и та доложила, что третья миссис барышня говорит, будто не голодна. Миссис Беннет пробормотала что-то о странностях этой девчонки и больше к этому вопросу не возвращалась.

Мэри лежала в постели, глядя на полог над головой, и не сомкнула глаз до самого утра.

Следующие три дня дом был окутан странным, напряженным молчанием.

Глаза Джейн все еще были красными, но она изо всех сил старалась держаться естественно: вышивала, садилась за стол со всеми. Элизабет стала еще молчаливее прежнего, она подолгу сидела на подоконнике в одиночестве, глядя куда-то вдаль. Китти и Лидия ничего не знали и продолжали бегать и шуметь, пока миссис Беннет не отчитала их за легкомыслие.

Мэри не пошла к мисс Уилсон.

Она не знала, что сказать. Простите? Мы не смогли вас отстоять? Эти слова казались слишком ничтожными – легкими, как дуновение ветра, неспособными выдержать никакой груз.

Каждый день в часы прежних уроков она просто подходила к двери кабинета и стояла там какое-то время.

Дверь была заперта. Внутри мисс Уилсон собирала вещи.

Мэри не стучала.

В день отъезда мисс Уилсон стояла пасмурная, хмурая погода.

Небо было серым, низкие тучи висели так близко к земле, казалось, вот-вот хлынет дождь, но он все не начинался. У крыльян стоял экипаж, и кучер уже надежно приторочил к крыше коричневый кожаный чемодан.

Джейн стояла на ступеньках с покрасневшими глазами, прижимая к уголкам глаз платок. Элизабет молча стояла рядом, крепко сжав губы. Миссис Беннет неизвестно куда спряталась, решив, очевидно, что подобные сцены слишком вредны для ее нервов. Китти и Лидия были еще слишком малы, чтобы понимать горечь разлук, и лишь с любопытством глазели по сторонам.

Мисс Уилсон вышла из дома.

На ней было то же самое простое серое платье, в котором она появилась здесь впервые. Ее спина по-прежнему была прямой, а на лице не отражалось никаких лишних эмоций.

Она остановилась у крыльца, переводя взгляд с Джейн на Элизабет.

– Юные леди, – ее голос звучал ровно и спокойно. – Вы умные девушки, продолжайте читать, продолжайте учиться. Ваша матушка, возможно, этого не понимает, но вы должны понимать.

Джейн усердно закивала, и на ее глазах снова выступили слезы.

Элизабет не кивнула, лишь молча посмотрела на гувернантку взглядом, до странности взрослым и сложным.

Затем мисс Уилсон повернулась, собираясь подняться в экипаж.

И тут Мэри качнулась с места.

Она сошла со ступенек и твердым шагом подошла прямо к мисс Уилсон.

Все взгляды тотчас обратились на нее – Джейн, Элизабет, кучер и даже слуги, подглядывавшие из-за занавесок.

Мэри остановилась и выпрямилась во весь рост.

После этого она наклонилась и низко, почтительно поклонилась.

Это был глубокий, официальный поклон, с каким младшие обычно приветствуют старших и уважаемых людей.

В те времена детские поклоны гувернанткам вовсе не были редкостью, но обычно они выглядели поверхностными, небрежными, совершались из вежливости – легкий кивок или короткий реверанс. Никогда еще не случалось ничего подобного.

Это была не просто вежливость.

Это было проявление почтения, горечь утраты и самая тяжелая, искренняя благодарность, на которую только был способен ребенок.

Мисс Уилсон замерла.

Она стояла возле экипажа, глядя на девятилетнюю девочку перед ней. Мэри согнулась в поклоне, опустив голову так низко, что лица было не разглядеть.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Мэри медленно выпрямилась.

Она посмотрела на мисс Уилсон. Ее веки покраснели, но на глазах не было ни единой слезинки.

– Благодарю вас, – произнесла она тихо, но необыкновенно четко. – Спасибо за то, что учили нас все эти годы.

Она вспомнила, как в пятилетнем возрасте впервые сидела на стопке книг, чтобы дотянуться до столешницы. Мисс Уилсон стояла у окна, и солнечный свет падал из-за ее спины.

Облака в небе, грязь под ногами, а ты стоишь посередине. Эту фразу, записанную тогда, Мэри хранила до сих пор.

Она вспомнила те долгие полудни, когда мисс Уилсон снова и снова поправляла ее руку, учила правильно держать перо – никогда не сердясь, никогда не расточая похвал, а лишь произнося своим ровным, уверенным голосом: «Давайте еще раз».

Она вспомнила тот день в кустах, когда услышала злые слова и, промучившись три дня, наконец решилась спросить о них, а мисс Уилсон лишь слегка улыбнулась.

– Я знала, что так будет, – ответила она тогда. – Когда я выбрала этот путь, я уже была готова ко всему.

Девятилетняя Мэри тогда не поняла этой улыбки.

Но теперь, казалось, начала понимать понемногу.

В этой улыбке крылись и готовность к удару, и стойкость, и презрение к сплетникам, и усталость. Это были те латы, которые женщина надевает на себя, решаясь в одиночку противостоять целому миру.

Мисс Уилсон смотрела на нее.

В этих вечно спокойных, неподвижных глазах что-то неуловимо дрогнуло.

Она приоткрыла рот, будто собираясь что-то сказать.

Может быть, хотела посоветовать усерднее грызть гранит науки? Или предупредить: не будь такой, как я? Или сказать что-то еще...

Но в конце концов все свелось к молчанию.

Она просто протянула руку и легко коснулась плеча Мэри.

Рука была теплой и твердой.

Затем мисс Уилсон повернулась и поднялась в экипаж. Повозка медленно покатила по узкой дорожке и в конце концов скрылась в серой дымке у самого горизонта.

Джейн и Элизабет всё ещё стояли на крыльце. Мэри оставалась на прежнем месте — неподвижная, она смотрела туда, где только что скрылась повозка.

Никто не произнес ни слова.

Ветер подул со стороны полей, принес с собой осеннюю прохладу. Листья на обочинах дорог уже начали желтеть, и пройдет совсем немного времени, как деревья обнажатся до самых ветвей.

Мэри вдруг вспомнилось, что мисс Уилсон приехала к ним тоже осенью.

Тогда она была еще совсем маленькой и, чтобы дотянуться до столешницы, подкладывала под себя стопку книг. Тогда она еще не понимала, что такое благопристойность джентльри, не понимала, что этот мир несправедлив по своей сути. Тогда ей казалось, что стоит человеку

быть честным, усердным и не причинять вреда другим, как он сможет жить в этом мире с достоинством.

Теперь ей исполнилось девять.

Многое она уже поняла.

Внутри повозки мисс Уилсон сидела у окна, по-прежнему держа спину абсолютно прямо.

Колеса с грохотом катились по щебню, экипаж слегка покачивало.

Она смотрела на проплывавшие за окном поля и рощи, и на ее лице по-прежнему не было ни единого выражения.

А затем — то ли ветер нанес песчинку, то ли дело было в чем-то другом...

Она легким движением подняла руку и смахнула слезу у самого глаза.

Той самой рукой, что мгновение назад касалась плеча девятилетнего ребенка.

Той рукой, которая хранила тепло.

После отъезда мисс Уилсон в доме словно выжгло какую-то часть.

Это не было оглушительной, звенящей пустотой: дни текли своим чередом, обеды подавались вовремя, Китти и Лидия по-прежнему бегали и резвились, а миссис Беннет продолжала жаловаться на свои нервы. Но дверь кабинета была заперта, и больше никто не приходил ровно к девяти часам утра, чтобы встать у окна и ровным, уверенным голосом произнести: Сегодня мы начнем отсюда.

Джейн принялась сама читать стихи. Она уносила сборник к окну и могла просидеть так целое полугодие, беззвучно шевеля губами и безмолвно повторяя заученные строки. Но читала она очень медленно: порой подолгу застывала над какой-нибудь страницей, прежде чем наконец перевернуть ее.

Элизабет больше не сидела на подоконнике. Она убрала свои романы в ящик стола, лишь изредка доставала их полистать, но тут же захлопывала и прятала обратно. Она стала часто уходить из дому, уходила очень далеко — порой одна, порой увлекая за собой Джейн. Мэри не знала, о чем та думала, ведь Элизабет хранила полное молчание.

Что же до самой Мэри...

Она и сама не понимала, что с ней происходит.

Каждое утро, просыпаясь, она по привычке бросала взгляд в сторону кабинета. А затем вспоминала, что идти туда больше не нужно. Ее больше никто не ждет.

Она начала бродить в одиночестве, уходила к зарослям кустарника, садилась на тот самый ровный камень и часами смотрела на дикие розы. Те белые цветы уже облетели, остались лишь голые ветви да постепенно желтеющая листва. Пришла осень.

Она пыталась думать о чем-то отвлеченном. Вспоминала Хуайхайлу, чай с молоком, события из своей прошлой жизни — но всё это отдалялось с каждым днем, становясь чуждым, словно воспоминания постороннего человека. Она пыталась думать о мисс Уилсон, о написанных ею строчках, об интонациях ее голоса, о руке, легла ей на плечо перед самым отъездом.

Эта рука была теплая.

Мэри уткнулась лицом в колени.

Она не знала, испытывает ли горе. Если да, то почему не получается заплакать? А если нет, то почему в груди так давит, будто на нее взвалили непосильную ношу?

Она не могла найти ответа.

Тем днем она проходила мимо отцовского кабинета.

Дверь была приоткрыта. Мистера Беннета внутри не оказалось — должно быть, снова ушел на прогулку, это был его извечный способ спастись от ворчания миссис Беннет. Мэри остановилась на пороге, разглядывая аккуратные ряды книжных корешков.

Она никогда не смела прикасаться к этим книгам. Это была вотчина отца, его единственное убежище в этом доме. В раннем детстве ее заносили сюда пару раз, но всякий раз быстро выпроваживали со словами: Она еще мала, ей здесь делать нечего.

Но теперь ей девять.

Она стояла на пороге, глядя на книги.

Затем толкнула дверь и вошла внутрь.

Кабинет оказался небольшим: три стены от пола до потолка занимали книжные полки. Письменный стол мистера Беннета стоял у окна, а на стуле небрежно висело брошенное им

пальто. В воздухе витал слабый аромат чернил и старой бумаги, смешанный с легким запахом табака — память о тех редких случаях, когда отец раскуривал трубку.

Мэри остановилась перед книжным шкафом, запрокинув голову, и стала читать названия строчка за строчкой.

Поэзия. Драматургия. История. Путевые заметки. Романы.

Она узнавала эти книги, узнавала авторов: Милтон, Поуп, Шекспир, Юм, Гиббон. Кое-что она читала в прошлой жизни, а для этой была еще слишком мала — не дотянуться.

Но ее взгляд упал на самую нижнюю полку и замер.

Эти книги выглядели иначе. Переплет был скромнее, названия — длиннее, больше походя на серьезные трактаты, не предназначенные для праздного чтения.

О законах и обычаях Англии

К вопросу об имущественных правах женщин

Анализ юридического правового положения замужних женщин

Положение женщин в каноническом праве

Мэри опустила на корточки и вытащила самую тонкую книжку.

О правовом положении замужних женщин, автором значился некий господин Т.С., изданная тридцать лет назад. Она раскрыла первую страницу, и на нее обрушился плотный строй убористых строк. Какие-то слова были ей знакомы, какие-то — не очень, но когда они складывались воедино, смысл постепенно проступал наружу.

Согласно принципам общего права, личность и имущество замужней женщины полностью подчиняются власти мужа... Муж и жена в юридическом смысле рассматриваются как единое целое, и это целое есть муж...

Мэри нахмурилась и перечитала еще раз.

Муж и жена в юридическом смысле рассматриваются как единое целое, и это целое есть муж.

Она не была до конца уверена, правильно ли всё поняла. И принялась читать дальше.

Жена не имеет права самостоятельно заключать договоры, не имеет права самостоятельно владеть имуществом, не имеет права самостоятельно выступать в суде. Всё движимое имущество жены с момента заключения брака переходит в собственность мужа; недвижимым же имуществом жены муж имеет право управлять и присваивать все доходы от него...

Мэри закрыла книгу и на мгновение замерла.

Она вытащила другую. Эта оказалась толще, а называлась О положении женщин, автором значился некий священник. Раскрыв ее где-то посередине, она наугад прочла абзац:

Выходя замуж, женщина утрачивает свою правоспособность, или, иными словами, она растворяется в личности своего супруга. Она не может сохранить свою фамилию, не может сохранить свое имущество, не может сохранить свою волю. Всё, чем она обладает, принадлежит мужу.

Она достала следующую.

До замужества женщина подчиняется отцу; выйдя замуж — мужу. После смерти мужа — сыну. На протяжении всей ее жизни у нее нет времени, когда она была бы свободна в своих решениях.

И еще одна.

Если муж до смерти изобьет жену, по общему праву это преступление карается мягче, чем убийство постороннего человека. Ибо жена есть собственность мужа, а за уничтожение собственности смертная казнь не положена.

Мэри закрыла книгу, положила ее на колени и уставилась на обложку.

За окном щебетали птицы. Издалека доносился смутный смех Китти и Лидии.

Она опустила голову и продолжила читать.

Весь тот день она просидела на полу кабинета, листая книги одну за другой.

Кое-что давалось ей с трудом — слишком архаичные слова, слишком витиеватые фразы, слишком сложная логика. Но то, что она понимала, вонзалось в ее мозг острыми иглами.

Она прочла о том, что замужняя женщина не может владеть собственным имуществом. Ее приданое, ее наследство, каждая заработанная ею собственным трудом монетка — всё это после вступления в брак безраздельно принадлежало мужу. Муж мог распоряжаться этим по своему усмотрению, и даже если он проигрывал деньги в карты, пропивал их или тратил на

содержанку, жена не имела права голоса.

Она прочла о том, что замужняя женщина не может подписывать договоры. Хочет арендовать жилье? Нельзя, требуется подпись мужа. Хочет что-то продать? Нельзя, необходимо согласие мужа. Хочет нанять адвоката для судебного разбирательства? Нельзя — потому что юридически ее попросту не существует, она не может ни подать в суд, ни стать ответчицей.

Она прочла о том, что замужняя женщина не имеет прав на опеку над собственными детьми. Если муж умирал, он мог в завещании отдать детей на воспитание кому угодно, но только не матери. Если супруги жили раздельно, дети автоматически оставались за отцом. Если отец умирал, дети переходили к назначенному им опекуну — даже если этот человек был дальним кузеном мужа и не имел ни малейшего представления о матери детей.

Она прочла о том, что развод практически невозможен. Муж мог изменять, избивать, бросить семью, промотать всё до последнего гроша — у жены не было иного выбора, кроме как терпеть. Если только она не могла доказать, что муж совершил акт крайней жестокости, и при этом потратить огромную сумму на судебный процесс в церковном суде, который мог тянуться годами, а то и десятилетиями, и в конце концов вовсе не гарантировал победы.

Она прочла о том, что положение незамужних женщин было немногим лучше. Никаких прав на наследование имущества — семейные дома и земли целиком переходили к сыновьям. Дочери же доставалось лишь жалкое подобие приданого, да и то зависящее от щедрости отца. Если не было ни отца, ни братьев, ни мужа, оставалось лишь уповать на милость родственников либо зарабатывать на жизнь самостоятельно.

Она прочла о том, что профессий, доступных женщине для заработка, существовало всего по пальцам пересчитать.

Компаньонка при знатной даме — название звучало благопристойное, но по сути это была полуслужанка без жалованья, получающая лишь кров, еду и крошечные карманные расходы. Тем, кому везло, доводилось сопровождать хозяйку в высшем свете и получать шанс выйти замуж; тем же, кому не везло, с кончиной хозяйки оставалось лишь оказаться выброшенными на улицу без средств к существованию.

Гувернантка — вроде мисс Уилсон. Небольшое жалованье, мнимая видимость уважения, но в любой момент тебя могли уволить, оклеветать, выставить за дверь, не оставив ни единого приюта.

Уйти в монастырь — но это католический удел, а в протестантской Англии женских обителей почти не осталось. Всё, что оставалось взамен — либо угодить в приют для бедных, либо... отправиться на улицу.